

Тамара КАРСАВИНА

ТЕАТРАЛЬНАЯ УЛИЦА

Воспоминания

Тамара Карсавина

Театральная улица: Воспоминания

«Центрполиграф»

2010

Карсавина Т. П.

Театральная улица: Воспоминания / Т. П. Карсавина —
«Центрполиграф», 2010

Воспоминания Тамары Карсавиной, одной из звезд легендарной труппы Сергея Дягилева, в составе которой были Нижинский и Павлова, стали признанной классикой литературы о балете. Детство, уроки танцев, годы обучения в Императорском балетном училище и последовавшие за ними триумфальные выступления в Мариинском, а затем в лучших театрах европейских столиц – все, что повлияло на становление величайшей балерины мира, отражено на этих страницах. Ярко и образно рассказывает балерина о своей жизни и замечательных людях, окружавших ее.

© Карсавина Т. П., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Тамара Карсавина

Театральная улица: Воспоминания

Предисловие

Я закончила писать эту книгу 20 августа 1929 года, в тот самый день, когда услышала о смерти Дягилева. Но я не стала менять ничего из написанного о нем: он остался на моих страницах живым, таким, каким я его знала. В этом исправленном издании я сделала то же самое, но добавила главу, где предприняла попытку внести некое единство в характеристику его личности, хотя описание отдельных его черт разбросано по всей книге, о некоторых же из них рассказывается впервые.

Эта глава не ставит целью стать краткой биографией или произвести психоанализ личности, это просто портрет в зеркале моей любви.

Т. К.

20 октября 1947

Часть первая Воспитанница

Глава 1

Мои первые воспоминания. – «Толстая няня». – Моя мать. – Санкт-Петербург. – «Дуняша».

Отчасти из рассказов отца, отчасти из собственных воспоминаний я могу представить довольно последовательно историю своего детства, которая кажется мне теперь похожей на ряд картинок из азбуки.

Отец любил рассказывать мне о тех временах, когда я была совсем маленькой. В свободное время он садился у окна с альбомом и акварельными красками, я обычно пристраивалась рядом и смотрела, как он работает. И сейчас я вижу перед собой эти миниатюрные картинки с изображением различных национальных костюмов – испанских, венгерских, украинских, польских; на одной странице мужчина, на противоположной – женщина. Их одежды были выписаны чрезвычайно тщательно, но все лица, по моему мнению, отличались чересчур большими носами, а цвет лица дам казался слишком смуглым.

Отец никогда не отрывал глаз от своей работы, разыгрывая передо мной эпизоды моего раннего детства. Он прекращал рисовать только для того, чтобы промыть и обтереть кисточку. Эти картинки предназначались в помощь его ученикам, изучающим национальные танцы.

Мое первое воспоминание связано с тем, как няня поставила меня на ножки на тропинку у какого-то дома.

Сначала она направляла меня, поддерживая под мышки, потом отпустила. Я заковыляла довольно уверенно, но затем меня понесло вперед все быстрее и быстрее, так что я не успевала переступать ногами. Отец поймал меня вовремя.

Следующее воспоминание связано с Лиговом неподалеку от Петербурга. Дом, в котором мы жили, находился в парке поместья графа Позена. Мы приехали туда ранней весной. Я поправлялась после воспаления легких, и врач порекомендовал мне пить березовый сок. Сразу за домом простиралась лужайка, окруженная молодыми березками, еще не покрывшимися листвой. Мне нравилось наблюдать за тем, как добывали сок, обильно струившийся из надреза, сделанного в стволе. Обычно его собирали по утрам в глиняный кувшин. Сок имел сладкий терпковатый вкус.

О предшествовавшей этому болезни воспоминаний почти не сохранилось – помню только, как лежала на большом диване, превращенном в постель, с зеркальцем в руках и пускала им солнечных зайчиков по потолку и обоям. Меня пугало появление матери с холодным компрессом – она меняла их по нескольку раз в день. Позже она призналась мне, что и сама боялась подходить ко мне – так слабо и жалобно я плакала. Мои воспоминания об этом времени немного поблекли. Однако отдельные детали произвели на меня такое сильное впечатление и столь глубоко врезались в память, что даже сейчас не утратили очарования и остались по-прежнему яркими. Дом, в котором мы жили в Лигове, казался мне огромным и очень красивым, и вполне вероятно, мои детские воспоминания не обманывают меня – та большая комната со сводчатым потолком и нишами могла находиться только в большом загородном доме конца XVIII века.

Хотя дом очень отличался от нашей маленькой городской квартиры, это место казалось мне до странности знакомым. По какой-то необъяснимой причине мной овладели смутные

разрозненные образы иной жизни, которой я никогда не видела и о которой ничего не слышала. Они не имели ни начала, ни конца – это были просто яркие, словно внезапные вспышки, картины, которые я не могла ни с чем связать. Одно особенно часто посещавшее меня видение казалось настолько живым, что походило на воспоминание, и я часто ломала себе голову над тем, что бы оно могло означать. Представьте себе тихий пруд правильной формы. Я, совсем маленькая девочка, и какая-то женщина, по-видимому моя мать, выходим из экипажа. Она держит меня за руку, мы огибаем пруд и направляемся к большому дому с гладким фасадом и множеством окон.

Я передвигаюсь с трудом – тропинка посыпана гравием, и мне тяжело идти по ней на высоких каблуках. На мне не мое повседневное платье, а пышное, тяжелое и жесткое. Я ощущаю робость, как всегда, когда меня везут куда-то с визитом. На этом видение обрывается, а меня так мучает невозможность узнать, кого же мы собирались посетить, что я задаю матери бесчисленное множество вопросов по этому поводу. Моя история, похоже, позабавила ее, но ни тогда, ни после она не попыталась найти правдоподобного объяснения этому видению.

Не знаю, велик ли был участок земли вокруг дома. Похоже, поместье приходило в упадок. Не помню, были ли там клумбы. Парк был тенистый, с неподстриженными деревьями. Неподдалеку от дома стоял павильон с минаретами, который называли турецкой баней, одна из затей русского *maison de plaisance*¹ своего времени. Отец говорил мне, что мы провели там только одно лето и больше не возвращались, так как там было слишком сыро. Искусственный пруд перед домом порос зеленой звездообразной травой. Павильон стоял пустой, и нам с братом позволяли там играть. Нам доставляло огромное удовольствие смотреть через разноцветные стеклышки высоких мавританских окон – при солнечном свете внешний мир казался ярким и светящимся – красным, зеленым, желтым, нереальным и чрезвычайно привлекательным.

В жаркие дни няня часто водила моего брата купаться. Он был на два года старше меня. Мы шли по берегу мелкой быстрой речушки до того места, где она образовывала маленький пруд с чистой водой. Мне купаться не разрешали, и няня переносила меня на плечах на большой камень, поднимавшийся из воды. Там я и сидела, пока они купались. Держась за руки, они прыгали, погружаясь в воду и выскакивая, как лягушки. Няня напевала: «Ладушки, ладушки, где были?» – «У бабушки» – одну из детских песенок, которых знала множество.

Няне, «толстой няне», как мы называли ее, было запрещено пугать нас. Но для простой крестьянской девушки, исполненной предрассудков, подобное требование оказалось невыполнимым. Из множества причудливых существ, созданных воображением русского народа, обладающих рогами, копытами и хвостами, она выбрала некоего «буку», к помощи которого прибегала в тех случаях, когда ее собственного авторитета оказывалось недостаточно. Бука уносил непослушных детей. Он прятался где-то поблизости и дожидался того момента, когда ребенок откажется идти спать. Непонятно, что это за существо, возможно, своего рода черт, который мог послужить целям воспитания детей. Я попыталась расспрашивать о нем отца, и он не стал отрицать существования буки. Но в его описаниях бука выглядел совершенно не страшным, пожалуй, просто озорным, но довольно дружелюбным существом, которое легко можно было умиротворить. По-видимому, он был покрыт шерстью и имел хвост, в общем, напоминал собаку.

В то время я побаивалась матери. Когда я была совсем маленькой, со мной случались столь сильные припадки плача, что я задыхалась и лицо у меня синело. Это обычно происходило по утрам во время одевания. Услышав мои крики, мама приказывала принести меня к себе, и няня неохотно подчинялась. Обмакнув губку в холодную воду, мама выжимала ее на мое голое тельце. Впоследствии она рассказывала, что я немедленно замолкала, не успев даже закрыть рта.

¹ Загородный дом (фр.).

Мама часто говорила, что испытывает к детям «разумную» любовь. Я помню ее порой суровой, но шутилой или нежной – никогда, она умела подавлять мои порывы, и это делало меня вдвойне застенчивой, а порой толкало на детский бунт против нее. Однако со временем я поняла, что ради нас она готова пойти на любую жертву, и в глубине души восхищалась и гордилась ею. Мне очень нравилось смотреть, как она одевается, готовясь куда-нибудь пойти. У нее была чрезвычайно тонкая талия и очень маленькие ножки, которыми она гордилась. Я строила честолюбивые планы относительно нее и часто повторяла: «Когда вырасту, построю для мамы огромный дом», а обидевшись, пряталась под кровать или под стол и угрожала оттуда: «Не построю тебе дома». Но спокойный ответ матери: «А кому нужен твой дом?» – тотчас же приводил меня в чувство, словно еще один холодный душ.

Наказывали нас достаточно мягко. «Носом в угол» – считалось более унижительным, чем просто «в угол, лицом к комнате». Брат Лева обычно смягчал наказание чистосердечным раскаянием, но меня ничто не могло подвигнуть на подобное. Только ласковые слова отца могли заставить меня раскаться. Он часто брал меня за руку и приводил к матери просить прощения. Выговоры, даже заслуженные, глубоко ранили меня. В отличие от большинства детей я никогда не давала волю слезам в присутствии других людей. Если же у меня возникала надежда склонить чашу весов правосудия в свою сторону, я предупреждала тихим дрожащим голосом: «Я заплачу». Когда мать отвечала: «Ну и плачь, если хочешь», я бежала в дальнюю комнату и рыдала там под кроватью или за маминими юбками в шкафу. Впоследствии я смеялась, когда отец разыгрывал передо мной подобные сцены, но тогда воспринимала их как настоящую трагедию.

В Санкт-Петербурге мы жили на верхнем этаже пятиэтажного дома, принадлежавшего вдове богатого купца. Все деловые отношения с домовладелицей носили патриархальный характер. Жилищных агентов тогда не существовало. Раз в год мать ходила к хозяйке и возвращалась с радостной новостью, что срок аренды продляется еще на год и квартирная плата остается прежней. Плата четыре фунта в месяц кажется сейчас невероятно низкой, но в те времена такова была обычная цена довольно большой пяти-шести-комнатной квартиры. Позже, когда наше материальное положение ухудшилось, домовладелица переселила нас в более дешевую квартиру в другом крыле здания, почти не отличавшемся от нашего – только у парадного входа не было швейцара в ливрее.

Дом стоял на берегу канала², там, где тот делает изгиб и впадает в Фонтанку. На этом тихом участке нашей улицы почти не было движения. Окна парадных комнат выходили на канал, летом заполненный баржами, перевозившими лес; зимой он замерзал и мы переходили его по льду, сокращая дорогу на другую сторону. Для нас, детей, главным достоинством этой квартиры была возможность наблюдать за стоявшей напротив каланчой пожарной станции, где постоянно дежурил часовой. А какое прекрасное зрелище представляли собой пожарные в форме, в медных касках, когда по сигналу тревоги проносились по улице под звуки рожка на четверке лошадей, мчащейся галопом. У нас просто дух захватывало при виде этой безумной скачки.

Для русского человека огонь имеет какую-то непреодолимую притягательную силу. Стремление бежать смотреть на пожар – характерная черта российской жизни. Не только простой народ, но даже чиновники, наэлектризованные словом «пожар», спешно покидали рабочие места и мчались к месту происшествия.

Пожарные были героями детворы и самыми лучшими кавалерами для кухарок. Обычное условие, которое ставила повариха, нанимаясь на работу, чтобы «куму пожарному» дозволялось ее навещать. Часто работодатель первым поднимал этот вопрос и спрашивал, часто ли на кухне будет присутствовать пожарный.

² По сведениям петербургских краеведов, Карсавины жили на набережной Екатерининского канала, д. 170.

Когда мне было лет пять, «толстую няню» рассчитали и снова взяли Дуняшу, мою бывшую кормилицу. Не знаю, по какой причине ее уволили прежде, но с тех пор, как Дуняша вернулась, она нас уже больше не покидала. Со временем она стала горничной, а затем единственной прислугой, делившей с нашей семьей все радости и беды.

В период выпавшей на ее долю немилости она часто приходила навестить меня, иногда домой, но чаще встречалась со мной во время прогулки, всегда приносила мне сладости или маленькие игрушечки, а прощаясь со мной, рыдала. Она вообще легко плакала, и мама порой называла ее притворщицей, но я не согласна с ней. Дуняша испытывала неудержимую жалость ко всем живым созданиям, попавшим в беду, и меня научила этому.

Она была высокой и худой; и в те времена, когда в доме держали двух нянь – ее и няню моего брата, Дуняшу стали называть «длинной няней». И это имя осталось за ней навсегда. Несомненным украшением Дуняши были ее волосы, необычайно длинные и густые. Она щедро поливала голову керосином, смешанным с лампадным маслом, и утверждала, будто именно благодаря этому волосы у нее такие густые. Дуняшу беспокоило, что мои волосы плохо растут, и она стала втирать керосин и мне в голову. Он издавал отвратительный запах, и мама положила конец подобной практике.

– Глупости, – отрезала она в ответ на мою просьбу продолжить втирать керосин, который, как я надеялась, поможет мне отрастить такие же волосы, как у Дуняши. – Имей хорошую голову на плечах, а волосы вырастут сами собой.

Все свое имущество Дуняша аккуратно складывала в большой деревянный сундук. Снаружи он был украшен узорами из узких белых полосок кованого железа, напоминающими муаровый шелк. Я всегда пользовалась возможностью заглянуть к ней в сундук, когда она его открывала. Изнутри крышка была заклеена картинками, вырезанными из иллюстрированных юмористических журналов. Дуняша позволяла мне их рассматривать, но не любила, когда я рылась в ее вещах.

Глава 2

Отец. – Мариус Петипа. – Наша жизнь. – Безобидный сумасшедший. – «Амелия». – Ужасный сон.

В то время мой отец занимал положение первого танцовщика и исполнителя мимических ролей в балете. Согласно правилам, после двадцати лет службы он должен был выйти на пенсию. Срок службы исчислялся начиная с шестнадцати лет, хотя в этом возрасте танцовщик еще обучался в школе. Двадцатилетний срок службы отца приближался к концу, и они с матерью постоянно предавались размышлениям и беседам о том, не продлят ли отцу срок службы. Насколько я поняла из этих разговоров, отец находился в полном расцвете сил и оставался прекрасным танцовщиком, но против него плелись какие-то интриги. Часто упоминалось имя всесильного Мариуса Петипа.

Петипа был великим балетмейстером, французом по происхождению. Он так и не выучил русского языка, хотя приехал в Санкт-Петербург совсем молодым и оставался на службе в театре до самой смерти. Возможно, отец не всегда сохранял беспристрастие, но из его слов у меня создалось впечатление, что актеры скорее боялись Петипа, нежели любили. Он обладал почти безграничным влиянием на директора Всеволожского и делал *la pluie et le beau temps*³ в театре. В мое время каждый имел доступ к директору, обычно принимавшему посетителей два раза в неделю. Любой актер мог прийти к нему и излить свои горести. Но Всеволожский никогда или, по крайней мере, очень редко принимал актеров. Только Петипа пользовался его благосклонным вниманием.

Мой отец был учеником Петипа, а какое-то время даже его любимцем. Что испортило их отношения, я не знаю. Отец обладал большим талантом к имитации. Он всегда отмечал, что Петипа талантливый хореограф, одаренный богатым воображением, и замечательный педагог, но далеко не блестящий танцор. И отец часто высмеивал его танец и исполнительскую манеру, используя весь арсенал ложного пафоса: дрожащие колени, блуждающий взгляд, зубовный скрежет и топот ног. Мы, дети, постоянно просили отца исполнить сцену из «Фауста», как ее играл Петипа. Но мама обычно говорила:

– Лучше бы ты, Платон, держал язык за зубами; твои добрые друзья и веселые собутыльники с радостью донесут о твоих насмешках.

Отец обычно уходил из дому рано утром. Мы все пили на завтрак чай со сдобными булочками или сухариками, но он никогда ничего не ел, только выпивал три или четыре стакана чаю. Второй завтрак – вещь невозможная в балетном мире: вслед за уроками обычно идут репетиции, так что отец возвращался после репетиций голодный как волк. Иногда он приходил в три, а иногда и в четыре часа дня и требовал, чтобы к его приходу супница уже стояла на столе. Было очень трудно приготовить обед точно к его возвращению, поскольку приходил он в разное время, но малейшая задержка ужасно раздражала его, хотя по природе был довольно спокойным и невозмутимым. Но в этом случае он не желал слушать никаких объяснений и нетерпеливо ворчал: «Полная кухня женщин, а голодный мужчина не может пообедать».

Подлинной страстью отца был чай. У него под рукой постоянно стоял стакан чаю, и он пил его целый день. Закончив один стакан, тут же кричал:

– Женщины, чаю!

Иногда мать пользовалась маленьким колокольчиком, но обычно, когда что-то было нужно, мы или окликали служанку, или шли на кухню, чтобы ее позвать. Впоследствии отец модернизировал свое хозяйство и купил спиртовку. Он переносил ее за собой из одной ком-

³ Погода (фр.).

наты в другую, и это давало ему возможность постоянно иметь горячий чай, даже когда самовар не был растоплен.

После завтрака нас отправляли на прогулку. На одевание уходило много времени, и я часто теряла терпение, если была готова первой и приходилось ждать, пока оденут Леву. Зимой перед выходом на улицу мне надевали под платье красную фланелевую нижнюю юбку и панталоны, а на ноги валенки. Поверх ватного капора повязывали шаль, концы которой заправляли под пальто; в особенно холодные дни шалью прикрывали рот. Шаль так туго затягивали, что я не могла повернуть голову и часто жаловалась:

– Няня, ты меня задушишь.

Если я протестовала слишком громко, из соседней комнаты слышался голос матери:

– Тата, прекрати капризничать.

Чтобы я не потеряла муфту, к ней пришивали ленту и вешали мне на шею, так же как и шерстяные рукавицы, привязанные на шелковом шнуре. В сильные морозы мне смазывали жиром лицо, так как однажды я его обморозила. Полузадушенная и надрывающаяся под тяжестью одежд, я, наконец, оказывалась на улице, где уже не страдала от жары. Пока мы спускались, мама, стоя на лестничной площадке, давала последние напутствия: не спускаться на лед, не играть с бездомными собаками, не разговаривать на морозе и дышать носом. У нее хватало времени на все это, пока мы преодолевали пять маршей. Лев любил скатываться по перилам, я же в своих многочисленных одеяниях могла только медленно спускаться бочком, одной ногой вперед – валенки не давали согнуть ноги в коленях.

Пока канал не замерзал, его набережная была наиболее привлекательным местом для прогулок. По каналу плыло множество дров, упавших с барж, и уличные мальчишки изобрели чрезвычайно ловкий способ их вылавливать. К концу длинной веревки они привязывали тяжелую деревянную колоду с торчащим из нее длинным гвоздем, бросали колоду в бревна и почти никогда не промахивались. Гвоздь впивался в плывущее бревно, и его с легкостью подтаскивали к берегу. У некоторых мальчишек были санки, на которых они увозили домой свою добычу. Это был обычный для бедняков способ добывать дрова, и полиция никогда не вмешивалась. Цены на дрова, как, впрочем, и на многие другие товары, часто обсуждались у нас дома. Мама утверждала, что они становятся слишком дорогими. Цена на одну квадратную сажень превосходных березовых дров поднималась зимой до 4 или 5 рублей. Сосновые дрова стоили дешевле, но не давали столько тепла.

На нашей стороне канала было мало прохожих, и каждая необычная фигура привлекала наше внимание. Однажды мимо нас прошел мужчина, очень опрятно одетый, но в какой-то странной шляпе. Поравнявшись с нами, он снял шляпу и с серьезным видом поклонился. Он отошел, и мы увидели, как он точно так же приветствует небольшую стайку уличных мальчишек. Дальше по каналу к воде вели ступени, там находилась пристань для барж. Несколько рабочих разгружали баржу. Человек остановился и, сняв шляпу, принялся кланяться во все стороны. Рабочие стояли, повернувшись к нему спиной, и вся эта сцена выглядела настолько нелепо, что мы не могли удержаться от смеха. Потом мы увидели, как он перешел улицу и возвращается по другой стороне. Мы тоже перебежали, чтобы встретиться с ним и в насмешку раскланяться. В тот день мы вернулись домой, полные впечатлений о смешном человеке, без конца передразнивая его. Отец знал его. Это был сумасшедший, очень тихий и безобидный, вообразивший себя выдающейся личностью. Узнав об этом, я испытала глубокий стыд оттого, что дразнила беднягу. Отец никогда не морализировал; он обычно говорил о людях по-доброму и с юмором; и не называя дословно всего того, что достойно сострадания, он тем не менее делал это вполне очевидным и ясным для нас.

За нашим безобидным сумасшедшим присматривали две его сестры, старые девы, жившие через дом от нас. Это был одноэтажный деревянный домик, покрашенный в розовый цвет. В маленьких окнах, находившихся низко от земли, стояло множество горшочков с геранью

и бальзаминами. Впоследствии наша няня познакомилась с сестрами и несколько раз брала меня к ним. Обе женщины были одеты в черное, а на голове носили платки, похожие на монашеские. Их комната произвела на меня большое впечатление. Множество икон стояло в углу на буфете, перед ними горели лампы. Стены украшали дешевые цветные гравюры с изображением горы Афон и Соловецкого монастыря. Невзирая на скромность убранства, комната совершенно не выглядела аскетичной, а, напротив, казалась полной жизни, веселой, удобной, дышащей мирным чувством удовлетворения. На полу лежали дорожки, вытканые вручную из ярких лоскутков. Большой шкаф в углу был покрыт такой же дорожкой. Сестры отличались веселым нравом, общительностью и гостеприимством. Они никогда не отпускали нас без угощения. Для нас ставился на стол самовар, несколько видов варенья и тарелочка с сухим печеньем. Во время своих визитов мы никогда не видели их брата, но часто встречали его во время прогулок. Несколько лет спустя, приехав из школы на каникулы, я узнала, что он умер.

Так протекало мое детство, и я люблю мысленно обращаться к тем дням, лишенным ярких внешних впечатлений. Мы подолгу предвкушали редкие развлечения, наслаждались ими и потом долго вспоминали. Из-за отсутствия внешних впечатлений обыденные события повседневной жизни становились интересными и полными значения.

У нас не было какого-то особого распорядка дня, кроме неперемennого условия – рано ложиться спать, не было и продуманного плана наших занятий и развлечений. Мы всегда сидели за столом вместе с родителями, слушали их разговоры и разделяли их интересы. Отец обычно терпеливо отвечал на наши многочисленные вопросы, но, когда мы становились слишком назойливыми, он мягко останавливал поток вопросов фразой:

– Много будете знать, скоро состаритесь.

Даже в те времена, когда наша жизнь была сравнительно обеспеченной, мама часто жаловалась на то, как ей трудно сводить концы с концами. Она пользовалась абсолютным авторитетом во всех домашних делах и единовластно распоряжалась деньгами. Отец отдавал ей все жалованье, оставляя себе лишь какую-то мелочь на ежедневные расходы. Но зато мать приняла на себя всю ответственность за семью и всегда находила способ выпутаться из трудных обстоятельств. Она часто закладывала вещи, иногда занимала деньги, а порой ей приходилось заходить к домовладелице, чтобы объясниться по поводу задержки квартирной платы. Нам покупали только самые необходимые вещи, и то после длительного обсуждения. Почти всю одежду нам шила сама мама. Когда мама принималась за какую-то сложную работу, например собиралась кроить из своей зеленой плюшевой ротонды зимнее пальто для меня, она посылала за папиной сестрой, тетей Катей, жившей далеко от нас, за Нарвской заставой.

Мама часто звала меня на примерку и заставляла подолгу стоять, пока закладывала складки или срезала лишнюю материю. Меня очень утомляли эти примерки, маму, по-видимому, тоже, так как она говорила, что «с ног валится от усталости», и моя неспособность стоять неподвижно раздражала ее. Однажды во время особенно долгой примерки – складки никак не хотели ложиться ровно – я стала подтягивать их, чтобы помочь. «Не лапай материал грязными руками, стой спокойно!» – сердито отчитала меня мать. Но, увидев, как у меня задрожали губы, она смягчилась и принялась объяснять, что старается принарядить меня. Однажды она придумала для меня очень хорошенькое платьице, оно было сшито из двух набивных платков и не требовало много примерок.

При подобных обстоятельствах в нашей жизни не было места роскоши. Но рождественская елка у нас была всегда, и мы получали в подарок какие-нибудь игрушки. Игрушек у нас было мало, но я обладала множеством сокровищ, в том числе древесным грибом с березы. Он высох и затвердел, а поскольку имел плоскую полукруглую шляпку, я подумала, что будет красиво прикрепить его к стене как консоль и поставить что-нибудь на него. К числу моих сокровищ относились и большие листья платана, высушенные в книге и побитые щеткой для волос так, что стали прозрачными, словно кружево. У меня был красивый мебельный гарнитур для

кукольной гостиной: круглый стол, диван и кресла, обитые красным плюшем. Кукла, которой он принадлежал, никогда не была в числе моих любимцев, из нее почти полностью высыпались опилки, и она выглядела больной и безжизненной. Я предпочитала ей крошечных созданий, которых сама вырезала из бумаги и выстраивала в ряд на широком подоконнике нашей детской. Амелию, свою любимицу, я считала просто шедевром. У нее была высокая стройная талия, а лицо я нарисовала ей карандашами. Из-за своей красоты она вела весьма бурную жизнь. По какой-то не вполне ясной мне причине ей пришлось бежать из дома. Часто преследователям удавалось догнать ее из-за того, что у ее экипажа ломалось колесо. Раз или два ее возвращали домой, откуда она бежала снова. Иногда ее похищали цыгане. Порой ей удавалось укрыться в монастыре. Она вечно попадала в беду, но в конце концов вышла замуж и обосновалась вместе с сестрами в гостиной с красной мебелью. Однако мне вскоре пришлось прекратить вырезать кукол, так как мама сказала, что от этого тупятся ее ножницы.

Имя Амелия принадлежало подруге моей матери. Она была наполовину немкой, вышедшей замуж за русского. Они с мамой учились вместе. Мама отзывалась о ней немного пренебрежительно, утверждая, будто у нее «воробьиные мозги». Иногда мы навещали Амелию и играли с ее детьми. Я с нетерпением ждала подобных визитов. Маленькая квартирка, чрезвычайно опрятная, со множеством безделушек на бесчисленных маленьких полочках заметно отличалась от нашей квартиры, совершенно лишенной каких бы то ни было украшений. Мне казалось, что выдержать сравнение в какой-то мере сможет только наша гостиная с мебелью, обтянутой голубой камчатной тканью, и стоявшими на консоли бронзовыми часами. Что касается детской, то в нашей комнате вместо дивана стоял деревянный сундук, покрытый ковром, здесь же – окрашенные в белый цвет низенькие стульчики и покрытые белой эмалью кровати с муслиновыми занавесками. У маленькой Зины над кроватью был прикреплен розовый бант.

Амелия Антоновна обычно оставляла нас на ужин, и это доставляло нам огромное удовольствие из-за десерта. Она обычно принимала участие в наших играх и, казалось, получала не меньшее удовольствие, чем мы. Их дом идеально подходил для игры в прятки – в комнатах стояло много мебели: диваны, ширмы и круглый стол, покрытый скатертью с аппликациями. В передней – большой буфет, а на несколько ступенек выше детской находилась темная комната. Но чаще мы играли в спокойные игры. У одного из мальчиков была повреждена спина, и ему приходилось лежать в постели в жестком корсете, а мы сидели вокруг него и играли в лото. Чтобы считать очки, нам давали лимонные леденцы, которые мы складывали рядом с собой. Коварный мальчик-инвалид обычно лизал свои в надежде, что мы не примем их в уплату.

Я обожала Амелию Антоновну и считала ее чрезвычайно привлекательной. Как-то я спросила маму, действительно ли она была очень хорошенькой в юности, и мама ответила:

– Да, она была прелестной, но походила на немецкую куклу со светло-желтыми волосами; что же касается ее умственных способностей, она едва смогла закончить приготовительную школу, а теперь даже не в состоянии научить своих детей правильно говорить.

И действительно, ее дети часто смешивали немецкие слова с русскими: «Бобби хочет essen⁴» или «Я не хочу идти schlafen⁵».

Странно и совершенно необъяснимо, но в ровное и счастливое течение моей жизни постоянно закрадывалось чувство тревоги, я жила с ощущением дремлющей, но нависшей надо мной угрозы. В то время меня часто преследовал повторяющийся сон. Декорации менялись, но постоянно некто с мертвенно бледным лицом и рыжими кудрями пытался куда-то меня увести. Этот призрак нельзя было назвать ни ужасным, ни отвратительным, в нем было нечто от красоты павшего ангела. Его очарование и таинственная немота наполняли меня каким-то тонченным страданием. Иногда в этом сне мне приходилось проходить через длинную анфи-

⁴ Есть (нем.).

⁵ Спать (нем.).

ладу комнат. Я устало продвигалась вперед, пряталась, ждала. Но какая-то сила неумолимо влекла меня продолжать путь до тех пор, пока я не достигала последней комнаты, где находила бледного немого незнакомца – и начиналась мрачная бесшумная игра в прятки. Я пряталась, выбиралась из укрытия и на цыпочках передвигалась по комнате, снова пыталась скрыться в хаотическом беспорядке комнаты. Меня охватывал ужас от воцарившейся тишины, казалось, будто весь мир внезапно прекратил существование. Порой я оказывалась в комнате, полной людей. Вдруг наступала тишина, я задавала тревожные вопросы, но все только молча смотрели на меня, не произнося ни слова. Я знала – бледный незнакомец пришел за мной.

Глава 3

Уроки. – Ранняя любовь к театру. – Смертельная опасность, которой удалось избежать. – Прощание отца со сценой. – Размышления о моем будущем.

Брату исполнилось семь лет, и мама понемногу начала учить его читать и писать. Он быстро все схватывал. Определенного времени для уроков не было. Когда у мамы выдавалась свободная минута, она приходила в детскую, принося с собой какую-то работу. Мне позволяли тихо играть рядом или рассматривать книгу с картинками. Но мне тоже хотелось учиться, и, слушая их уроки, а порой спрашивая, что означает та или иная буква, я многое усвоила. Сначала ни я сама, ни кто-либо из окружающих не поняли, что я научилась читать. Это открылось неожиданно. Я рассматривала картинки в газете, расположившись самым удобным для меня образом: сидя на полу по-турецки и положив газету на край стола так, чтобы она свешивалась до уровня глаз. Вся семья как раз собралась за столом. Я прочла заголовок – мама очень удивилась, но подумала, что я просто запомнила его. Она велела мне прочитать несколько предложений, что я и сделала, слегка запинаясь. Тогда она обратилась к отцу:

– Послушай, Платон, Тата сама научилась читать.

Мне же она сказала:

– Но газеты не вполне подходящее чтение для детей.

Я взмолилась, чтобы она позволила мне прочесть роман с продолжением.

– Что за роман? – спросила мать.

Мой ответ прозвучал, по-видимому, чрезвычайно забавно, поскольку я все еще немного картавила:

– «Жертва страсти». Криминальный роман.

Мама онемела от изумления, а отец хохотал до слез, потом сказал:

– Пусть читает «Жертву страсти», это не причинит ей никакого вреда.

Вскоре чтение стало для меня всепоглощающей страстью. Лев тоже страстно полюбил книги. Среди немногочисленных томов, стоявших в шкафу в комнате отца, были иллюстрированные собрания сочинений Пушкина и Лермонтова. Нашим чтением никто не руководил, и в то время, когда другим в качестве интеллектуальной пищи вручали нравоучительные истории о «добром Пете» и «непослушном Мише», мы пили вволю из Кастальского ключа. Настолько божественно проста поэзия Пушкина и так кристально прозрачна его проза, что даже мне, шестилетнему ребенку, она была понятна. И хотя я еще не была способна в полной мере оценить красоту его произведений, но ощущала ее инстинктивно, и с тех самых пор их магическая власть надо мной никогда не ослабевала.

Когда мы проводили лето в деревне, я иногда играла с Надеждой, девочкой лет двенадцати, дочерью крестьянина, сдававшего нам квартиру, и мне пришлось в голову читать ей Пушкина. Теперь я сомневаюсь, испытывала ли она от этого хоть малейшее удовольствие, но она покорно и терпеливо слушала меня. Однажды отец пришел как раз в тот момент, когда я сидела на ступеньках крыльца и читала вслух, а Надежда, присев на корточки, обмахивала меня зеленой веткой, отгоняя комаров. Вокруг играли остальные дети.

– Царица Савская и ее двор, – рассмеялся отец.

Теперь я понимаю, что мое желание читать вслух, декламировать проистекало из инстинктивного влечения к театру. Шутка отца пробудила во мне чувство неловкости, и я больше никогда не читала Пушкина перед моей деревенской публикой, но мои сценические наклонности проявились в другой форме. Здесь, в деревне, все фантастические и героические образы из книг вдруг ожили, приняли определенную форму и вписались в новое окружение. Я стала разыгрывать спектакли в саду. Сарай превратился в шатер Черномора. У меня была

шапка, которая делала меня невидимой, спасая от его преследований. Икона Михаила Архангела, облаченного в сверкающие доспехи, которую я видела в церкви, помогала мне создавать героические эпизоды в моих пьесах. Я вела жестокую битву с высокой крапивой, растущей вдоль берега ручья.

Я знала поэмы Пушкина наизусть и любила их декламировать. Это очень забавляло отца, тем более что я все еще картавила. Он часто ставил меня перед собой и просил прочесть пролог из «Руслана». В своем альбоме он нарисовал мне Черномора, похищающего Людмилу, и ученого кота, бродящего по золотой цепи вокруг дуба. «Идет направо – песнь заводит, налево – сказку говорит».

Все поддразнивали меня из-за дефекта речи, я сердилась и изо всех сил старалась выговорить «р», но когда мне это удавалось, то оно звучало ужасно раскатисто, и это еще больше веселило слушателей.

Отец иногда давал нам мелочь, обычно одну или две копейки. Мы их копили, пока не набиралась сумма в 10 копеек, на которую можно было купить небольшую книжечку. Теперь наши прогулки обрели смысл – мы или покупали книгу, или рассматривали витрину, решая, что приобрести в следующий раз, когда скопим достаточную сумму. Нам по карману были только дешевые издания, выпускаемые Министерством просвещения для народа. Они были настолько маленькими и тоненькими, что мы пренебрежительно называли их «книжонками». Печать была плохая, шрифт мелкий, но по содержанию они в основном были хороши. С помощью этих «книжонок» мы прочли все былины о киевских богатырях, много народных сказок, рассказы классиков и кое-что из переводной литературы. «Парашу Сибирячку» Ксавье де Местра приобрели после долгих споров. Мы всегда заранее обсуждали будущую покупку, чтобы не растратить впустую свои сбережения. Лев хотел купить эту книгу, но мне не нравилось имя Параша, оно меня абсолютно не привлекало, однако мы купили книгу, и мне она пришлась по душе. Это была трогательная история о сибирской девочке, которая пешком отправилась в Петербург просить за своего несправедливо осужденного отца. То, как она пробралась в дворцовый парк и смогла припасть к стопам императрицы, вызвало у нас слевой живой интерес.

В это время произошло событие, которое чуть не привело к изгнанию Дуняши. Однажды вечером мама вернулась домой из гостей, и, не успев еще снять верхнюю одежду в прихожей, почувствовала тяжелый, спертый воздух, пропитанный угарным газом, – вечная опасность русских печей. Она побежала в детскую и открыла заслонку печи – ее закрыли до того, как догорели дрова в печи. Угарный газ несет с собой смерть. Мама нашла Дуняшу на кухне, где слуги устроили вечеринку, но отложила все объяснения на потом. В первую очередь было необходимо вытащить нас из постелей, несмотря на сопротивление и слезы, одеть потеплее, закутать в шали и вывести на улицу, где Дуняша гуляла с нами до глубокой ночи. А мама тем временем распахнула все окна, чтобы полностью проветрить комнату, и приказала снова затопить печь. На следующий день Дуняша, рыдая, стояла перед разгневанной матерью.

– Вот как ты заботаешься о детях... У тебя на уме только Василий... Уходи от нас.

Дуняша плакала, уткнувшись лицом в фартук, призывала на свою голову ужасные проклятия, упоминая всех святых:

– Пусть Илья Пророк сразит меня молнией. Лопни мои глаза, если я не люблю барышню.

Мама оставалась неумолимой. Дуняша перебрала всех святых и мучеников. Мы слевой тоже плакали и просили не прогонять Дуняшу. Наконец мама сдалась, и Дуняша осталась.

Василий, которого упомянула мать в своей гневной речи, играл большую роль в жизни Дуняши. Он постоянно сидел на кухне, часто помогал по дому, порой его посылали с поручениями. Он был аккуратно и довольно красиво одет в косоворотку и высокие сапоги. Дуняша проводила много времени за шитьем этих косовороток, вышивая на обшлагах узор крести-

ком. Василий работал на фабрике. Он часто приходил по вечерам и всегда по воскресеньям. В присутствии моей мамы он говорил хриплым почтительным голосом. Его всегда принимали в доме, и у нас, детей, даже не возникало вопроса, кем он приходится Дуняше, хотя мы каким-то образом чувствовали, что он ей не муж.

Дуняшины уверения в ее любви ко мне не были пустыми словами. Для того чтобы понять ее чувства, необходимо знать, что она потеряла собственных детей и вся ее нежность обратилась на меня. Когда меня ругали, она пробиралась в комнату и беззвучно плакала, бросая неодобрительные взгляды на маму, а если меня ставили в угол, тихо ворчала:

– Мамаша слишком высокого мнения о своем Левушке, а для моего ребенка никогда слова доброго не найдут.

Я ощущала ее преданность, и мой разум отказывался принять мамину критику в ее адрес. Однажды я услышала рассказ мамы о том, как она наняла Дуняшу. Она должна была выбрать из нескольких женщин ту, которая станет моей кормилицей. Худая, изможденная внешность говорила не в пользу Дуняши, другая претендентка казалась более подходящей на эту должность. «Но, когда я сообщила ей, что она не подойдет, – вспоминает мать, – она как-то странно посмотрела на меня, и я почувствовала к ней сострадание. Она словно околдовала меня, и я не могу отвечать за то, что выбрала ее по своей воле. Наверное, она научилась кое-каким трюкам у своих финнов. Все они немного колдуны». Дуняша была найденышем. Из приюта ее отдали на попечение крестьянина из финского поселения неподалеку от Петербурга и его жены. Она часто говорила, что они стали для нее настоящими родителями и порой заботились о ней больше, чем о своих детях, объясняя это тем, что она сирота. Старые крестьяне иногда приходили навестить ее и всегда приносили нам в подарок масло и яйца. Считалось, будто финны занимаются колдовством, но эти двое совсем не походили на колдуна и ведьму. Это были милые пожилые люди. Особенно симпатичным и любящим пошутить казался ее отец; под его грубоватой внешностью скрывалась истинная деликатность. Когда он приходил к нам, то обычно сидел на кухне, склонившись над печкой, и курил свою короткую трубку, стараясь пускать дым в трубу, чтобы никого не побеспокоить. Дуняша действительно иногда выглядела как-то странно – глаза ее закатывались, губы что-то бормотали. Но все же меня теперь удивляет, как мама с ее умом и образованностью могла верить в колдовство.

В этом году Масленица принесла чрезвычайно важное для нас событие – отец покидал сцену, и ему предстояло устроить свой прощальный бенефис. Он выбрал последнее воскресенье перед Великим постом. Театры обычно были переполнены во время Масленицы – в те годы пост соблюдался очень строго, все увеселения прекращались до Пасхи, так что каждый стремился напоследок повеселиться вволю. Отец рассказал нам прелестную историю, произошедшую на Пасху несколько лет назад: императорская семья посетила дневное представление, и император Александр III выразил желание поесть блинов с артистами. Поднялась страшная суматоха, и словно «по щучьему велению» на подмостках установили столы и приготовили все необходимое. По окончании представления их величества взошли на сцену, Мария Федоровна села во главе стола, все подходило к ней со своими тарелками, и она накладывала им блины из большого блюда, стоявшего перед ней. По такому случаю она даже надела маленький фартучек. Император то сидел, то прохаживался среди гостей и находил для каждого доброе слово.

Наступил прощальный вечер отца, нас слевой, как никогда старательно, нарядили и повезли в театр, я попала туда в первый раз. Мы сидели в ложе. Теплый и яркий свет навевал мысли о рае, и я долго не могла отвести взгляд от огромной хрустальной люстры, висевшей под потолком. Возбуждение было настолько велико, что сердце, казалось, подступало к горлу. Я испытывала благоговение перед великолепием этого места и только боялась, как бы меня не спросили, нравится ли мне здесь. А я не могла найти адекватных слов, чтобы выразить свои чувства. Но мама и сама была слишком взволнована, чтобы задавать какие-либо вопросы. Она

несколько раз повторила: «Так рано обрывается его карьера. Вся эта пышность напоминает мне торжества по случаю похорон».

Давали балет «Дочь фараона»⁶. Как только подняли занавес, мы слевой при появлении каждого нового танцовщика спрашивали:

– А где папа?

Но он вышел на сцену только во втором акте. Он выступал в па-д'аксьон с еще двумя танцовщиками, балериной и четырьмя солистками. Отец показался мне совершенно непохожим на себя, я не узнала его и постоянно теряла из виду, тем более что они танцевали то все вместе, то по двое, то по трое, а затем каждый соло. После вариации отцу устроили овацию, мы тоже хлопали. Позже отец объяснил мне, что это соло считается очень трудным и служит своего рода пробным камнем для всех танцовщиков. Он исполнил диагональ двойных пируэтов, приземляясь на одну ногу, а закончил тройным пируэтом. Нечто подобное сделал впоследствии Нижинский в «Павильоне Армиды». Отцу пришлось повторить танец на бис. Мама сказала, что ему не следовало этого делать, она всегда отворачивалась, когда он бисировал, так как очень нервничала.

В перерыве поднялся занавес, и вся труппа вышла на сцену. Привели отца и поставили посередине. Ему вручали подарки и венки, произносили речи. Когда все закончилось, отец вышел на авансцену, и публика принялась аплодировать. Он поклонился сначала в сторону царской ложи, затем – директорской, а потом публике, прижав по традиции руку к сердцу.

После спектакля у нас дома был устроен ужин, на который пришли многочисленные коллеги отца. Нам слевой разрешили ненадолго остаться на ужин, но вскоре мама отослала нас спать:

– Бегите в постель. У вас глаза слипаются.

Вечер закончился поздно. Раздеваясь, мы слышали веселые голоса и речи, но знали, что в глубине души наши родители опечалены.

В течение многих дней мы говорили только об этом прощальном вечере. Доход от бенефиса был значительным – кроме серебряных подношений от публики, отец получил изумрудное кольцо-печатку и украшенные бронзовым орнаментом часы от царя, а также тысячу рублей из «собственной шкатулки его императорского величества». Кольцо вскоре исчезло, оставив после себя на память о своем кратком пребывании квитанцию из ломбарда вдобавок к большой кипе подобных напоминаний. Но часы оставались с нами много лет и стали радостью моего детства. Мы редко пользовались гостиней, и я любила там побездельничать, предаваясь в одиночестве созерцанию небесной сферы и задумчивой Урании. Позолоченная бронза цвета светлого лютика чуть поблескивала, высеченные вокруг основания символы музыки: звезды и круги – как я узнала позже, ассоциировались с искусством стиля ампира. Я уже упоминала прежде, родители свободно обсуждали свои проблемы при нас, и их заботы не были тайной для детей. Я поняла, что отставка отца означала для семьи значительное сокращение средств как раз в тот момент, когда пришло время нам обоим получать образование. У отца оставалась лишь пенсия и жалованье преподавателя театрального училища. К тому же он преподавал любителям и давал уроки балетных танцев.

Мама всегда обладала большим мужеством. Ничто не могло ее утратить, и теперь она надеялась, что отец, располагая свободным временем, сможет иметь больше уроков, и таким образом все уладится. Все же мне кажется, что родители больше страдали от удара, нанесенного по самолюбию, нежели из-за материальных затруднений. В конце концов, мы всегда с трудом перебивались, не задумываясь о будущем, тратя больше, когда появлялась такая воз-

⁶ В предисловии к первому изданию «Театральной улицы» В.М. Красовская пишет, что, описывая последний бенефис отца, Карсавина по ошибке называет балет «Дочь фараона», тогда как тот исполнял в дивертисменте два номера: классическое grand pas с пятью молодыми партнершами и уральский танец из «Конька-горбунка» с балериной М.Н. Горшенковой – Карсавина Т. П. Театральная улица. Л.: Искусство, 1971. С. 8.

можность, и сокращая свои расходы до минимума, как только таковая возможность исчезала. У отца были все основания надеяться, что его оставят в театре на второстепенные роли, как и других артистов его уровня. Расставание со сценой принесло ему мучительную боль. И в последующие годы он нередко возвращался к этой теме.

В разговорах часто поднимался вопрос о нашем будущем. Мама всегда утверждала, что балет неподходящая карьера для мужчины, даже лучшие танцовщики играют в балете второстепенную роль. Родители сошлись на том, что брат должен получить высшее образование. Что же касается меня, мама мечтала сделать из меня балерину.

– Прекрасная карьера для женщины, – говорила она. – И мне кажется, у девочки есть склонность к сцене. Она обожает переодеваться и всегда вертится перед зеркалом. Даже если она и не станет великой танцовщицей, все же жалованье, которое получают артистки кордебалета, намного больше, чем любая образованная девушка может заработать где-либо в другом месте. Это поможет ей обрести независимость.

Однако отец придерживался иного мнения. Он никогда не одобрял подобной точки зрения, а теперь, когда его терзала горечь преждевременной отставки, был настроен против нее особенно решительно.

– Ты сама не знаешь, о чем толкуешь, матушка, – неизменно говорил он. – Я не хочу, чтобы мой ребенок жил среди закулисных интриг. Тем более, что она, как и я, будет слишком мягкой и не сумеет постоять за себя.

Не могу с уверенностью сказать, оказала ли на меня влияние мать, заронившая в мою голову мысль о сцене, но каким-то образом эта идея жила во мне уже задолго до того, как меня впервые привели в театр. Я обожала отца, всегда с нетерпением ожидала его возвращения и осаждала вопросами о театре. Его рассказы всегда были чрезвычайно живыми: повествуя о различных событиях, он обычно изображал их, открывая передо мной другой мир, такой же сверкающий, как тот, что я видела через разноцветные стеклышки турецкого павильона. Даже интриги и тревоги казались мне всего лишь обратной стороной его очарования и не внушали мне отвращения.

Глава 4

Первые уроки танца. – Рождество. – Рассказы бабушки. – Гадание.

Зимой 1893 года мама предприняла первые шаги к осуществлению своего плана – сделать из меня танцовщицу. Она договорилась с бывшей танцовщицей госпожой Жуковой, что та будет давать мне уроки. Тетя Вера, как мы ее называли, считалась другом семьи и о плате за уроки не было и речи. В благодарность мама делала ей подарки к Рождеству и именинам. Вручению подарка предшествовала небольшая церемония. Задолго до события я заучивала выбранные мамой стихи, более или менее подходящие к случаю. Мама обычно вставляла в стихи имя тети Веры, даже если от этого страдала рифма, и ежедневно заставляла меня декламировать их, исправляя мою дикцию. В день представления наряженная в свое лучшее платье и немного смущенная, я представала перед тетей Верой, робко дожидаясь удобного момента, чтобы прочесть свое посвящение, а закончив, испытывала огромное облегчение.

Я ходила на уроки в сопровождении Дуняши. Часть столовой освободили от мебели, а на дверях на петлях временно установили перекладину. Тетя Вера в теплых домашних туфлях отбивала такт небольшой палочкой. Первые два месяца она заставляла меня заниматься у станка и, только когда мои ноги приобрели достаточную выворотность, стала давать мне упражнения в центре комнаты. Это и есть традиционное обучение в России. Последовательные систематические занятия длятся семь или восемь лет, и до окончания этого срока считается, что танцовщик еще не готов к выступлению на сцене. Однообразие этих занятий сначала утомляло меня. Я-то мечтала, что сразу же начну танцевать и делать высокие прыжки и пируэты, такие же, какие видела в балете. На первый урок я явилась в огромном волнении, надеясь свершить чудеса. Когда тетя Вера сказала «А теперь повернись», я поспешно оставила станок и попыталась закружиться на месте, но тотчас же потеряла равновесие и упала, почувствовав себя ужасно глупой. Учительница же рассмеялась и объяснила, что она только хотела, чтобы я повернулась и сделала те же упражнения, но с другой ноги.

Дуняша неодобрительно относилась к занятиям, ей не нравилась сама идея учить меня танцевать. Часто, возвращаясь домой, она вздыхала и ворчала себе под нос:

– Взбрело же мамаше в голову мучить ребенка.

Я возражала ей, утверждая, что занятия не причиняют мне никаких мучений, но она упорно твердила:

– Я знаю, что говорю, милочка. Знала я одного акробата, так ему переломали все кости, чтобы он стал гибким.

И не было абсолютно никакой возможности убедить ее, что акробат и танцовщица – не одно и то же. Этот разговор и подобные ему вспомнились мне, когда много лет спустя я застала ее горько рыдающей над моей фотографией, где я была снята стоящей на пуантах. Когда состоялся мой дебют, мама взяла ее в театр, но, как только Дуняша увидела меня на сцене, ее охватило столь глубокое горе, и она принялась так громко рыдать, что рассерженная публика защищала на нее, и маме пришлось отослать ее домой. Вернувшись, мы нашли ее по-прежнему в слезах, горько причитающей по поводу моих «переломанных костей».

Постепенно я все больше и больше увлекалась уроками. Физические усилия, которые требовались для выполнения даже самых простых упражнений, стали вызывать у меня интерес. Когда я выучила несколько простейших па, моя учительница составила из них для меня небольшой танец.

Испытывая гордость успехами, я не смогла удержаться, чтобы не продемонстрировать свои достижения в детской перед Левой, но он заявил, что может исполнить намного лучше, и принялся меня передразнивать. Я не могла удержаться от смеха, настолько нелепо он под-

черкнуто жеманно подпрыгивал и подскакивал. Но все же я рассердилась на него, да и на себя за то, что смеялась. Его поддразнивания обычно заканчивались громкой ссорой. Тогда появлялась мама и разводила нас по разным комнатам. Мама, обожавшая придумывать маленькие стишки, так охарактеризовала наши отношения:

Лев любит спорить, ты не можешь простить;
Вместе вы ссоритесь, но друг без друга не можете жить.

Мои уроки держались в тайне от отца. Прежде чем пытаться переубедить его, мама весьма благоразумно решила сначала сама убедиться в моих способностях. В то же время, стремясь сохранить мой энтузиазм, она несколько раз водила меня на утренние балетные спектакли. С восторгом следила я за представлением, и мама видела в этом еще одно подтверждение моего предназначения к сцене. Однажды мы пошли посмотреть «Сильфиду» с Никитиной в главной роли. Бесплотная и хрупкая, она казалась мне созданной из той же субстанции, что и лунный свет, заливавший сцену. В этом балете Тальони использовалось множество эффектов, присущих романтическим балетам, в том числе полеты через сцену на проволоке. Я ничего не знала о механизмах, используемых в театре, и для меня ничто не нарушало полноты иллюзии. Наверное, если бы мне удалось сейчас снова увидеть этот балет, несмотря на знакомство со всей закулисной техникой, ничто не смогло бы нарушить то очарование, которое я тогда испытала. Даже теперь, стоит только закрыть глаза, в памяти возникают мгновения высшей красоты. Объятия возлюбленного смыкались, но не могли удержать бледную, бесплотную Сильфиду. Последний печальный взгляд, где отразился проблеск земного чувства, – и изящная фигура взмыла в воздух, проплыла по небу и исчезла. Мы сидели в партере, и мне приходилось вертеть головой, чтобы видеть всю сцену. Вдруг, к ужасу мамы, я вскочила на сиденье и уселась на спинку кресла. Она стащила меня за ноги вниз, это вернуло меня к действительности и заставило осознать свой проступок. Позже она использовала этот случай в споре с отцом как доказательство моего артистического темперамента.

К этому времени число книг, которыми мы обладали, увеличилось. Папа стал собирать для Льва «библиотеку», как он громко выражался. Иногда он покупал дешевые издания классиков и сам переплетал их; приложения к какому-то еженедельнику еще больше увеличили наши книжные запасы. Кто-то подарил нам подборку журналов «Вокруг света» за несколько лет. Там печатались приключенческие рассказы, переводы произведений Жюль Верна, Фенимора Купера и других авторов подобного жанра. Я также прочитала целиком «Серapiоновых братьев» Гофмана. Смысл его произведений был мне не вполне ясен, но меня чрезвычайно привлекало соединение фантастики с повседневной реальностью. Это придало моей жизни совсем иную окраску. Все перестало быть будничным, только казалось таковым; отныне я жила в мире, полном тайн, и постоянно ожидала чуда. Будучи довольно скрытной и сдержанной по природе, я никогда не выставляла напоказ своих эмоций и тайных желаний. Мама порой находила меня странной и не могла понять, почему я полностью утратила интерес к игрушкам. Если к нам кто-то приходил в гости, что случалось нечасто, я любила оставаться в гостиной, меня интересовали разговоры взрослых, но мама считала, что я бездельничаю, и обычно отсылала меня из гостиной играть или заниматься своими делами. Я слышала, как она говорила гостям: «Странные нынче дети пошли. Ей скучно играть в куклы. Когда мы были детьми, вообще не знали, что такое скука». Но мне не было скучно: просто мои интересы переместились с кукол на людей.

Хотя мы и не верили в существование Деда Мороза, приближение рождественских праздников приносило ощущение чуда, которое вот-вот должно случиться. Особенно радовала всеобщая благожелательность, охватывающая окружающих. Вокруг церквей, на бульварах и просто посередине улиц появлялись многочисленные рождественские базары, выросал целый лес

елок. Наше любопытство было возбуждено до предела. Мама приходила с какими-то пакетами и сразу же уносила их в свою комнату. Мы знали, что там подарки. Однажды вечером пробрались в ее комнату, но были пойманы с поличным, и мама с тех пор держала дверь закрытой до самого Рождества.

На Рождество к нам приезжала бабушка, Мария Семеновна, жившая тогда у маминой сестры. Я всегда с нетерпением ожидала ее приезда. В высшей степени остроумная, она в то же время обладала удивительно невозмутимым характером и способностью наслаждаться жизнью, даже стесненные материальные обстоятельства не смогли заглушить в ней это свойство. Когда-то она была красавицей, и до сих пор у нее сохранились необычайно большие темные глаза и гладкая кожа, почти как у молодой женщины, только слегка воскового оттенка. Свой орлиный нос бабушка называла «римским». На ее необычную внешность повлияла греческая кровь, протекавшая в ее жилах, – она была урожденная Палеолог. Бабушка часто рассказывала нам о своем детстве и обо всей жизни. Если только у нее находились слушатели, она готова была говорить бесконечно, и для нее не имело значения, кто перед ней: дети, слуги, родственники, посторонние, – она была в равной мере общительна со всеми. Часто в середине ее оживленного повествования о днях молодости мать пыталась прервать ее: «Мама, ты забыла, что говоришь с детьми». Мы же умоляли бабушку продолжать. Если бы записать эти истории, они, наверное, напомнили бы сказки «Тысячи и одной ночи» – такие же бесконечные, со множеством отступлений. Я всегда пыталась вернуть ее к рассказу, если она слишком далеко отклонялась.

С каким жаром она повествовала нам, детям, не достигшим и десяти лет, о балах-маскарадах в Благородном собрании в Петербурге, где за ней ухаживал сам император Николай Павлович, об изменах мужа и о том, как он приходил к ней исповедоваться в своих грехах со словами:

– Мари, ангел мой, ты все поймешь и простишь.

Дедушка умер рано, промотав состояние и оставив без гроша молодую вдову с троими детьми. Первое время она жила в крайней бедности, но говорила об этом без горечи, с юмором. Единственным источником существования была скудная пенсия, и часто ее обед состоял из селедки и ломтика хлеба, а печь она топила дровами, добытыми с барж. К счастью, ее освободили от забот о детях: сына поместили в морской корпус, а дочерей – в сиротский институт. Бабушкиным девизом стали слова: «Одинокая душа никогда не бывает бедна». Их домом стал дом их опекуна князя Мичецкого. Теперь она жила главным образом у тети и время от времени – с нами. На этот раз бабушка привезла с собой кузину Нину.

Наступил сочельник, и вечером по традиции мы собирались заняться гаданием. Елку купили еще накануне, мы севой ходили с отцом выбирать ее. Отец очень любил эту традицию и всегда старался выбрать самую красивую елку. Мы привезли ее на санках и на следующий день стали украшать. Отец принес кухонный стол, поставил на него стул и, забравшись наверх, укрепил на макушке большую красную звезду. Мы подавали ему украшения и свечи, которые нужно было поместить наверху, а сами украшали нижние ветки. Наряжать елку было такое удовольствие! Не меньшее, чем видеть ее зажженной. Как зачарованная, перебирала я украшения из фольги, имбирные пряники в форме барашков или солдатиков; маленькие восковые ангелочки с золотыми крылышками, подвешенные на резинке, закрепленной в середине спины, тихо покачивались в неподвижном полете, а я следила за тем, чтобы они разместились подальше от свечей. Мы повесили множество золоченых грецких орехов и красных величиной с абрикос крымских яблочек, они назывались райскими. Прикрепив свечи, мы разбросали по елке хлопья ваты, чтобы она выглядела как снег, повесили вокруг серебряный дождь, и елка засверкала, словно обтянутая золотой и серебряной паутиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.